

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.48

Л.Г. ЗИМИН

УДК 930 (510)

ББК 63.2 (5 Кит)

**БАРГА (ХУЛУН-БУИР) ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ / СССР: СОВРЕМЕННАЯ
РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ**

Статья посвящена изучению работ российских исследователей, в которых в той или иной мере затронуты вопросы внешней политики Российской империи / СССР в Барге. В начале работы автор дает краткую характеристику населения региона и его двух названий — Барга и Хулун-Буир. Далее в статье проанализированы основные исторические события (в том числе провозглашение независимости в 1912 г.; захват Хайлара монгольскими повстанцами в 1917 г.; жизнь русских рабочих КВЖД и белоэмигрантов), происходившие в Барге в первой половине XX в.

Ключевые слова: Барга (Хулун-Буир), Российская империя, СССР, внешняя политика, историография.

*L.G. ZIMIN***BARGA (HULUN-BUIR) IN THE FOREIGN POLICY
OF THE RUSSIAN EMPIRE: RUSSIAN HISTORIOGRAPHY**

The article is devoted to the analysis of the works of Russian researchers, which studied the foreign policy of the Russian Empire / USSR in Barga. The

author examines works on Russian foreign policy in the first half of the 20th century, including publications written during this period. The article analyzed in detail the publications of contemporary Russian historians on this issue.

Keywords: Barga (Hulun-Buir), Russian Empire, USSR, foreign policy, historiography.

Начиная со второй половины XIX века Российская империя проводила активную внешнюю политику в Северо-Восточной Азии. Были существенно расширены ее территориальные границы за счет присоединения новых территорий — Приамурья и Приморья. Россия стала оказывать большое влияние и на приграничный с Забайкальем регион Цинской империи, известный как Барга.

Название региона — это этноним, происхождение которого связано с монгольским племенем баргутов, состоящего из двух частей: новых баргутов (шэнэ-барга) и старых баргутов (хуушан-барга) [1, с. 40-46]. Они составляют основное монгольское население региона. До проведения русско-цинской границы в 1727 г. часть новых баргутов была тесно связана кровнородственными узами с хори-бурятами — одной из крупных составных частей бурятского этноса [2, с. 15]. Кроме баргутов, в регионе проживают другие монгольские и тунгусо-маньчжурские этнические группы. Из них можно выделить дауров, переселенных в регион из местности Бутха в 1732 г. по указу цинского императора [3, с. 57]. Благодаря своей энергичности и образованности дауры были хорошо представлены в чиновничьей среде Барги [4, с. 202–203]. К другим коренным этническим группам относятся эвенки, делящиеся на солонов, ороحوнов и яко. В Барге также проживает небольшая группа западно-монгольского (ойратского) населения, известная как олеты Хулун-Буира. Они приняли маньчжурское подданство после войн Цинской империи с ойратским ханом Галдан-Бошогту в конце XVII в. и подавления восстания последнего правителя Джунгарского ханства Амурсаны в середине XVIII в. [5, с. 146-147; 6, с. 461-462]. К поздним переселенцам можно отнести русских, которые начали переселяться в Баргу в начале XX в. Причем, основная масса русских появилась в период строительства КВЖД, революций и гражданской войны в России. В то же время в Барге появляются буряты и хамниганы, в основном проживавшие в Забайкалье, в районе рек Борзя, Урулунгуй, Ага. Так в XVIII — начале XX вв. формировалось население Барги.

Барга известна также под другим названием — Хулун-Буир. Это китайское название Барги, и связано с двумя озерами, расположенными на территории региона — Хулун-нур и Буйр-нур. Ныне на территории Барги расположен Хулун-Буирский аймак автономного района Внутренняя Монголия КНР. Помимо исконной степной зоны Барги в состав аймака включены обширные горно-таежные массивы Прихинганья. Поэтому, на наш взгляд, название Хулун-Буир не совсем точно отражает территорию

Барги, известную по российским источникам. По всей видимости, в них под Баргой понималась степная зона, простирающаяся от г. Маньчжурия до г. Хайлар и несколько южнее, до р. Халх-гол (др. назв. Халхин-гол). Поэтому в своем исследовании мы решили сохранить старое название — Барга, как наиболее точно отражающее его территориальные рамки.

Как мы отметили, Барга со второй половины XIX в. стала объектом внимания Российской империи. Оно стало более пристальным в период русско-японской войны 1904–1905 г. В эти и последующие годы Барга и другие монгольские регионы изучались российскими военными, в результате чего был издан ряд трудов военных топографов, разведчиков и других военных специалистов. Их работы выходили под грифом «Не подлежит оглашению», «Секретно», поэтому долгое время не были известны широкой читательской аудитории. Одним из военных разведчиков, собравших подробные сведения о Барге, был полковник А.М. Баранов. По единодушному мнению российских историков, он был крупным военным специалистом по Маньчжурии и Монголии, а его военно-аналитические и научные записи до сих пор представляют неподдельный научный интерес [7, с. 340–341; 8, с. 26]. Баранов особо интересовался Баргой и посвятил ей некоторые свои исследования. В них он собрал уникальный материал по географии, экономике, политическому положению региона. Особое внимание он обратил на административное устройство и местное управление, сословные отношения, расположение монастырей в Барге. Большая часть сведений, добытых им во время поездок по Монголии и Барге, была получена впервые. Он сделал ряд ценных уточнений топографического характера [9; 10]. Российская империя путем научного изучения Барги пыталась понять наилучшие направления для закрепления в этом имеющем важное геополитическое значение регионе. В то время внешняя политика России вступила в противостояние с политикой Японии, делающей первые шаги по захвату территорий на азиатском материке [11, с. 71–73].

Интерес России к Барге сохранялся и в годы Первой мировой войны, в период Октябрьской революции 1917 г. и гражданской войны. Барга, прежде всего, была объектом внимания фуражиров, закупавших мясо для российских войск, воюющих на германском фронте. Согласно отчетам Отдела заготовок продовольствия и фуража для действующих армий Министерства продовольствия с 1915 по 1918 г., Барга относилась к Владивостокско-Маньчжурскому району деятельности Монголэкса. В этом можно увидеть некую интеграцию Барги в торгово-экономические отношения российского Дальнего Востока. В основном, они были односторонними и заключались в импорте из Барги в Забайкалье мяса и скота. Деятельность Монголэкса в районе Барги описана в работе А.С. Мещерского, врача-ветеринара, выпускника Юрьевского ветеринарного института, заведующего Владивостокско-Маньчжурским районом Монголэкса [12], умершего в ноябре 1932 г. в эмиграции, в г. Харбин [13].

Во второй половине 20-х гг. XX в. Барга продолжала интересовать исследователей, в первую очередь, из числа эмигрантов, осевших в Харбине. Одним из них был В.А. Кормазов, чиновник переселенческого управления и агент Экономического бюро КВЖД. Как и полковник А.М. Баранов, он являлся членом Общества изучения Маньчжурского края (ОИМК). Свои научные изыскания он публиковал в журнале «Вестник Маньчжурии». В 1928 г. Кормазов издал ценный труд, посвященный экономическому состоянию Барги. Как отмечает М.А. Дорофеева, к тому периоду в иностранной и китайской научной литературе работы подобного научного уровня не существовало [14, с. 40-42]. Работа, действительно, уникальная; с указанием деталей многих исторических событий первой трети XX в. Так, в ней отмечено время китайской колонизации Барги, начавшееся после замены монгольских караулов китайскими в 1905 г.; посредничество России между Баргой и Китаем в октябре-ноябре 1915 г.; решение вопроса с Центральным Правительством Китайской Республики о подъездных путях и лесных вырубках, совершаемых в Барге Обществом Китайской Восточной железной дороги и другими русскими комиссионерами [15, с. 13-15]. Другая работа Кормазова была посвящена изучению рыбных промыслов в Барге [16]. В 20-30-е гг. XX в. российскими исследователями, находящимися в эмиграции в Китае, были написано немало ценных трудов. Ныне нами рассмотрена лишь публикации А.С. Мещерского и В.А. Кормазова.

На современном этапе наблюдается возросший интерес к внешней политике Российской империи и СССР в данном регионе. Он берет начало в 90-х гг. XX в., когда российские историки стали подробно изучать проблемы межгосударственного взаимодействия в рамках треугольника «Россия — Монголия — Китай». Очевидно, этому научному подъему способствовало снятие грифов секретности с ряда недоступных прежде архивных источников. В этот период, в 1993 г. Е.А. Беловым была подготовлена и защищена докторская диссертация на тему «Русско-китайские отношения в 1911 - 1915 гг.», в которой было уделено внимание проблеме Барги. По данным исследователя, Барга стала одним из спорных регионов в русско-китайских взаимоотношениях. Опираясь на российские архивные источники, он отмечает, что в 1912 г. командир Корпуса Пограничной стражи генерал-лейтенант Е.И. Мартынов оказал помощь восставшим баргутам, передав им тысячу берданок, предварительно получив разрешение у штаба Иркутского военного округа. Белов также анализирует планы министра иностранных дел С.Д. Сазонова в отношении Барги, деятельность российского вице-консула в Хайларе П. Усатого, посла России в Китае В.Н. Крупенского. Обращаясь к соглашению о Барге, подписанном в ноябре 1912 г. между Крупенским и министром иностранных дел Китая Сунь Баоци, Белов приходит к выводу, что Барга получала фактическую независимость от Китая и контроль со стороны Российской империи [17, с. 11].

В диссертации С.Г. Лузянина «Россия-Монголия-Китай: Внешне-политические отношения в 1911–1946 гг.» также затронута проблема Барги во внешней политике Российской империи и СССР. Автор анализирует революционную деятельность в Барге и Внутренней Монголии в 1921–1928 гг. В частности, в исследовании отмечен факт прибытия революционеров Мэрсэ и Фуминтая из Барги в Ургу в 1923 г. Они организовали Баргинскую молодежную партию, в 1925 г. переименованную в Народно-революционную партию Восточного края. Лузянин также указывает, что ЦК МНП в 1923 г. заключило секретное соглашение с баргутскими революционерами и приводит девять пунктов этого документа [18, с. 187–188]. Как известно, Монгольская Народная партия в тот период тесно взаимодействовала с Коминтерном и проводила его линию в Барге и Внутренней Монголии. Таким образом, в целом можно говорить о внешней политике Советской России, проводимой в отношении Барги в изучаемый период, направленной на распространение революции в Азии.

Ряд новых публикаций российских историков по проблеме Барги выходит в начале XXI в. В 2003 г. Г.В. Мелихов, проживший в Китае более полувека, издал воспоминания «Белый Харбин: середина 20-х». В частности, он описывает жизнь в Харбине, нелегкое существование российских эмигрантов на линии КВЖД, в Трехречье, городах Хайлар, Маньчжурия и других населенных пунктах в период первых послереволюционных лет. Как отмечает автор, их родовое гнездо находилось на ст. Бухэду на Западной линии КВЖД. В Хайларе и в казачьей станице Хунхульди на р. Имин-гол также проживали близкие родственники. Рядом с Хайларом, по данным Мелихова, был построен поселок русских железнодорожников Залинья. Здесь была воздвигнута Спасо-Преображенская церковь. Со временем появились районы-поселки с русскими названиями: Роща, Подгорный [19]. В сведениях Мелихова о деятельности КВЖД в Маньчжурии, о событиях в русско-китайском приграничье можно проследить направления внешней политики Российской империи и СССР в изучаемый период.

Некоторые сведения о Барге в 20-е гг. XX в. имеются в монографии Н.Н. Аблажей «С востока на восток: Российская эмиграция в Китае» (2007). Так, в ней представлены сведения об этническом составе Барги. Автор указывает, что помимо русских мигрантов в регионе были тунгусы и буряты, мигрировавшие из Забайкалья [20, с. 37]. Результаты научных экспедиций в Баргу под руководством российских военных А.М. Баранова, А.Н. Куропаткина, А.В. Кушелева нашли отражение в коллективной монографии «История Монголии. XX век». Авторы справедливо отмечают, что большая часть военных рассматривала русско-китайские отношения исходя из национальных и военно-стратегических интересов России в Барге [21] и с этим нельзя не согласиться. В диссертационной работе В.А. Семенова «Деятельность российских

консулов в приграничных районах Китая и Монголии накануне и в годы Первой мировой войны: 1911–1918 гг.» прослежено отражение проблемы политического статуса Барги в деятельности российских консулов [22, с. 18]. Внутри- и внешнеполитические процессы в Барге, включая столкновения различных вооруженных группировок в регионе в 20-е гг. XX в., изучены в диссертационной работе Д.Р. Касаточкина «Азиатская конная дивизия и этнополитические процессы в Забайкалье и Монголии» [23].

Одним из видных специалистов по истории Барги является С.Л. Кузьмин. Им написан ряд статей, в которых освещена проблема взятия Хайлара (столицы Барги) монгольскими повстанцами в 1917 г. Основу работ Кузьмина составили документы из Архива внешней политики Российской империи и Российского государственного военно-исторического архива. Особое внимание автор уделяет регулярным донесениям вице-консула в Хайларе П. К. Усатого о текущей обстановке, а также отчету 1-го секретаря российской миссии в Пекине В.В. Граве о его командировке в Хайлар [24, с. 174–175]. В написании работ автором также были использованы донесения разведки Заамурского округа Пограничной стражи и материалы переписки российских дипломатов, служивших в то время в Монголии, Маньчжурии и Китае. В частности, можно отметить переписку начальника 4-го политического отделения МИД Г.А. Козакова — вице-консула в Хайларе П.К. Усатого в 1917 г. [25, с. 617–618].

Становление механизма обеспечения интересов России в Маньчжурии на фоне становления и развития государственности Барги рассмотрены в работах П.Н. Дудина. По мнению автора, проиграв русско-японскую войну и потеряв ряд опорных территорий, Россия смогла сформировать зоны преимущественных интересов. Благодаря этому Россия сумела контролировать процесс обретения относительной самостоятельности Барги [26, с. 12–13].

Некоторые сведения о внешней политике СССР в отношении Барги содержат статьи Л.В. Кураса и Б.Д. Цыбенова. В публикации, посвященной деятельности филиала «Монголтранспорта» на востоке Монголии в 1928–1929 гг., красной линией проходит конкурентная борьба между государственными и частными компаниями. Одной из был Со-торгфлот, филиал которого находился в г. Маньчжурия (т.е. на территории Барги) [27, с. 35–36]. Таким образом, авторы осветили проблему транспортного, и соответственно внешнеэкономического взаимодействия между МНР и СССР на территории Барги.

В работе, посвященной созданию даурского отряда самообороны в конце 1920-х гг., отмечается, что в деле убийства китайского милитариста Чжан Цзолина прослеживается советский след [28, с. 412]. Очевидно, в этот период внешняя политика СССР вступила в острое противостояние с японской захватнической политикой в Северо-Восточном

Китае. Поэтому советская разведка получила приказ на устранение Чжан Цзолиня. Рассмотрен авторами и последующий период истории Маньчжоу-Го, когда китайские партизаны боролись с полицией и регулярными частями на территории, населенной даурами. Ценным является указание на то, что партийный комитет Северной Маньчжурии поставил перед партизанами задачу — развернуть борьбу против вооруженных сил Маньчжоу-Го, чтобы отвлечь японские силы от продолжения агрессии в районе Халхин-гола [29, с. 150]. По данным Л.В. Кураса и Б.Д. Цыбенкова, антияпонскую подпольную борьбу в Хайларе в 1939–1945 гг. осуществляли лица, прошедшие обучение в СССР и МНР [30, с. 414-416; 31, с. 367-371]; многие из них были агентами советской разведки [32, с. 382; 33, с. 160-162], что свидетельствует о подготовке революционных кадров Коминтерном и последующем взаимодействии этих кадров с разведывательными органами СССР.

Таким образом, можно отметить, что российские историки, начиная с конца XIX — начала XX вв., активно занимались изучением Барги как важного военно-стратегического и геополитического региона и вероятного театра военных действий. Они детально изучали географию, экономику, политическое состояние региона. Современные российские исследователи делают большой упор на неизвестные ранее архивные источники по Барге первой трети XX в., активно вводя их в научный оборот. На основе их трудов можно понять многие вопросы взаимоотношений в сложной многогранной системе: Российская империя / СССР — Барга (Хулун-Буир) — Цинская империя / Китайская Республика — правительство Богдо-хана / МНР — Япония.

Список использованной литературы и источников

1. Цыбенков Б. Д. О родовом составе баргутов Хулун-Буира / Б. Д. Цыбенков // Баргуты: история и современность. Сб. науч. ст. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. — С. 40-46.
2. Цыбенков Б. Д. Из истории буддизма хори — бурят (XVIII — нач. XX в.) / Б. Д. Цыбенков. — Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2011. — 136 с.
3. Цыбенков Б. Д. История и культура дауров. Историко-этнографические очерки / Б. Д. Цыбенков. — Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2012. — 252 с.
4. Цыбенков Б. Д. К изучению истории дауров Хулун — Буира (1911–1917) / Б. Д. Цыбенков // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2017. — С. 201-210.
5. Цыбенков Б. Д. Олеты Хулун-Буира: миграции и родовой состав / Б. Д. Цыбенков // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. — С. 143-156.
6. Цыбенков Б. Д. К изучению источников по духовной культуре олетов Хулун-Буира / Б. Д. Цыбенков // Монголоведение (Монгол судлал). — 2020. — Т. 12, № 3. — С. 455-467.

7. Кузьмин Ю. В. Российское военное монголоведение : исследования русско-монгольских отношений полковника А. М. Баранова / Ю. В. Кузьмин, И. Ю. Ванина // Россия и Монголия в начале XX века : дипломатия, экономика, наука: сборник архивных документов / редкол. : Ю. В. Кузьмин, Т. Дорж. — Иркутск : Изд-во БГУЭП ; Улан-Батор, 2014. — С. 340-343.

8. Русские военные востоковеды до 1917 года: биобиблиографический словарь / авт.-сост. М. К. Басханов. — Москва : Восточная литература, 2005. — 293 с.

9. Баранов А. М. Монголия, Барга и Халха / А. Баранов. — Харбин : типо-лит. Заамур. окр. Отд. корпуса погран. стражи, 1905. — 60 с.

10. Баранов А. М. Барга: [геогр.-экон. очерк] / А. М. Баранов. — Харбин : типо-лит. Заамур. окр. Отд. корпуса погран. стражи, 1912. — 59 с.

11. Курас Л. В. Усиление японского влияния в Хулун-Буире в первой трети XX в. / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Известия Иркутского государственного университета. Серия : История. — 2020. — Т. 31. — С. 71-81.

12. Мещерский А. С. Автономная Барга / А. С. Мещерский. — Шанхай, 1920. — 39 с.

13. Участники Белого движения в России // Списки погибших солдат России, СССР и Российской империи — URL : <https://xn--90adhkb6ag0f.xn--p1ai/arhiv/uchastniki-grazhdanskoj-voyny/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii-mg-mz.html> (дата обращения: 12.01.2021)

14. Дорофеева М. А. Научно-исследовательская и издательская деятельность Экономического бюро КВЖД в Северной Маньчжурии / М. А. Дорофеева // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : Мат-лы III Межд. науч.-практ. конф. — Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. — С. 38-43.

15. Кормазов В. А. Барга: экономический очерк / В. А. Кормазов. — Харбин, 1928. — 256 с.

16. Кормазов В. А. Рыбные промыслы в Барге за 1923–1926 гг. / В. А. Кормазов. — Харбин, 1926.

17. Белов Е. А. Русско-китайские отношения в 1911 — 1915 гг. : автореф. дисс. ... д-ра ист. наук : 07.00.03. — Москва, 1993. — 36 с.

18. Лузянин С. Г. Россия — Монголия — Китай: Внешнеполитические отношения в 1911–1946 гг. : дисс. ... д-ра ист. наук : 07.00.03. — Москва, 1997. — 433 с.

19. Мелихов Г. В. Белый Харбин. Середина 20-х / Г. В. Мелихов. — Москва : Русский путь, 2003. — 438 с.

20. Аблажей Н. Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае / Н. Н. Аблажей. — Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2007. — 298 с.

21. Гольман М. И. История Монголии. XX век / М. И. Гольман. — Москва : ИВ РАН, 2007. — 448 с.

22. Семенов В. А. Деятельность российских консулов в приграничных районах Китая и Монголии накануне и в годы Первой мировой войны: 1911–1918 гг. : дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / В. А. Семенов. — Иркутск, 2012. — 225 с.

23. Касаточкин Д. Р. Азиатская конная дивизия и этнополитические процессы в Забайкалье и Монголии : дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Д. Р. Касаточкин. — Москва, 2016. — 324 с.

24. Кузьмин С. Л. Взятие монгольскими повстанцами столицы Барги (Хулунбуира) в 1917 г. / С. Л. Кузьмин // *Oriental Studies*. — 2019. — № 2 (42). — С. 174–182.

25. Кузьмин С. Л. Барга (Хулунбуир) под контролем монгольских повстанцев в 1917 г. / С. Л. Кузьмин // *Oriental Studies*. — 2019. — № 4 (44). — С. 615–626.

26. Дудин П. Н. Барга как часть сферы российских стратегических интересов в Восточной Азии в первой четверти XX в.: договорный аспект / П. Н. Дудин // *Genesis : исторические исследования*. — 2020. — № 8. — С. 12–25.

27. Цыбенков Б. Д. О деятельности «Монголтранспорта» на маршруте «Сан-эйсэ — Маньчжурия» в 1928–1929 гг. (на основе архивных материалов) / Б. Д. Цыбенков, Л. В. Курас // Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Забайкалья : Мат-лы Межд. науч.-практ. конф. — Чита : Изд-во ЗабГУ, 2019. — С. 33–36.

28. Цыбенков Б. Д. Дауры района Бутха и создание отряда самообороны (конец 20-х — начало 30-х гг. XX в.) / Б. Д. Цыбенков // *Иркутский историко-экономический ежегодник: 2020*. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2020. — С. 410–416.

29. Цыбенков Б. Д. В декабре 1939-го : эпизод из партизанской антияпонской войны в даурском районе Морин-Дава / Б. Д. Цыбенков, Л. В. Курас // *Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество*. — Чита : Изд-во ЗабГУ, 2020. — С. 149–152.

30. Курас Л. В. Антияпонская освободительная борьба дауров и баргутов в годы Второй мировой войны / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // *Иркутский историко-экономический ежегодник: 2016*. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2016. — С. 411–419.

31. Цыбенков Б. Д. Участие дауров в антияпонском сопротивлении (1932 — 1945 гг.) / Б. Д. Цыбенков, Л. В. Курас // *Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : мат-лы X Межд. науч.-практ. конф.* — Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2020. — С. 367–371.

32. Цыбенков Б. Д. Судьбы даурских офицеров — участников антияпонских мятежей в армии Маньчжоу-Го в августе 1945 года / Б. Д. Цыбенков, Л. В. Курас // *Иркутский историко-экономический ежегодник: 2019*. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2019. — С. 380–388.

33. Курас Л. В. Новые данные о разведывательной деятельности Японии и СССР в Монголии и Хулунбуире в годы Второй мировой войны / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // *Власть*. — 2016. — Т. 24, № 11. — С. 158–163.

Информация об авторе

Зимин Лев Геннадьевич — аспирант Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии» Сибирского отделения Российской академии наук, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: lev.zimin.1997@mail.ru

Author

Lev G. Zimin — postgraduate Student, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, 6670041, e-mail: lev.zimin.1997@mail.ru